

Г. ГАЛЬСКИЙ

Панихида по Гумилеву

В то время, как в творчестве всех поэтов-символистов был уже совершенно очевиден упадок, талант Н. Гумилева разгорался все большим пожаром. Еще не отгорело великолепное «Чужое Небо», как появилось новое зарево над поэтом — «Колчан». Но уже в «Колчане» чувствовалась стенка, предел, уже были повторения, срывы.

Когда срывается поэт «нутра», как Бальмонт, А. Белый, — эти срывы огорчают, но не пугают... Но когда «подпустит петушка» поэт холодный и рассчитанный, — становится жутко. Так жутко было при последних двух книгах В. Брюсова, еще жутче при трех новых, сразу появившихся книгах Н. Гумилева «Костер», «Мик» и «Фарфоровый Павильон».

Что-то общее, роковое общее есть в «истории» Брюсова и Гумилева. Зенит одного — «Все напевы», потом спуск — «Зеркало теней», где еще были прекрасные пьесы среди массы скверных, и сразу, без оглядки — в «Семь цветов радуги»¹. У Гумилева — «Чужое Небо», потом с «проседью» — «Колчан» — и, наконец, беспомощный «Костер». Брюсова при закате его таланта повлекло в стилизации, в «Сны Человеческие»², Гумилева — в стилизованный под Китай «Фарфоровый Павильон». В. Брюсов исписался, написав многое и великолепное. Неужели померк навсегда Гумилев, еще «царственный ребенок», еще только обмолвившийся десятком стихов?

«Костер» написан по очень простому рецепту. Н. Гумилев зоркий критик. Он совершенно верно предугадал: по какому пути пойдет В. Брюсов после 1916 г. И убежал вперед. Он написал все то, что должен был написать Брюсов (может, даже пишет!). И потому, что Брюсов сейчас пишет скучно и о скучном, Н. Гумилев написал скучный «Костер» о скучном. Тот же вялый стих, те же прозаизмы. «Костер» — это гениальный плагиат еще нена-

писанной книги Брюсова, и невольно вспоминается пушкинское «Жалею я о воре».

Кто же, как не Брюсов, может допустить такую рифмованную прозу: «Все он занят *отливаньем* пули, что меня с землею разлучит»? Выписываю все стихотворение.

РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном,
 Невысокий, старый человек,
 Взгляд спокойный кажется покорным
 От миганья красноватых век.
 Все товарищи его заснули,
 Только он один еще не спит,
 Все он занят отливаньем пули,
 Что меня с землею разлучит.
 Кончил, и глаза повеселели.
 Возвращается. Блестит луна.
 Дома ждет его в большой постели
 Сонная и теплая жена.
 Пуля, им отлитая, просвищет
 Над седою, вспененной Двиной,
 Пуля, им отлитая, отыщет
 Грудь мою, она пришла за мной.
 Упаду, смертельно затоскую,
 Прошлое увижу наяву,
 Кровь ключом захлещет на сухую,
 Пыльную и мятую траву.
 И Господь воздаст мне полной мерой
 За недолгий мой и горький век.
 Это сделал в блузе светло-серой
 Невысокий старый человек.

Конечно, говорится о немецком рабочем. Но, почему у него блуза «светло-серая»? Почему «отлитая» и «вспененной», а не «отлитбля», «вспенйнная»? Что значит: она пришла за мной. Кто она? Грудь? За что воздаст Бог? За то, что невысокий человек, которого в «большой» (!) (это у рабочего-то?) постели ждет жена, занимался «отливаньем пули»? Весь ералаш этого стихотворения, неудачность эпитетов, абстракция — все это вина и Гумилева, и Брюсова.

Во всем «Костре» с трудом можно отыскать одно-два стихотворения, которые Гумилеву не стыдно было печатать.

«Фарфоровый Павильон» — очень милые подражания китайцам, но не больше. Милые подражания, не достигающие ни простоты, ни обаятельной мудрой детскости подлинника. «Павильон» — еще раз повторяю — очень мил. Как очаровательно, например, «Счастье»:

Из красного дерева лодка моя,
И флейта моя из яшмы.

Водою выводят пятна на шелке,
Вином — тревогу из сердца.

И, если владеешь ты легкой ладьей,
Вином и женщиной милой,

Чего тебе надо еще? Ты во всем
Подобен гениям неба.

Но дальше «милости» это не идет. А Гумилеву, после его обещаний, стыдно быть только очаровательным. Для этого в Петрограде найдется десяток молодых эстетничающих поэтов, кому не дано писать «свое», пусть они хоть подражают хорошему.

«Мик» — африканская поэма — самая странная из книг Гумилева. Что-то среднее между Киплингом и... Чарской³. Для детей — мудрено и скучно, для взрослых — наивно и... тоже скучно. В поэме повествуется довольно вялыми стихами, как бродили два мальчика со зверями. Зачем они бродят и странствуют, Господь их знает. Должно быть, так нужно, но бродят они настойчиво, особенно один из них. Впрочем, о «Мике», может быть, вообще лучше не говорить.

Так что же? Неужели эти три книги — траурное объявление, похороны поэта по третьему разряду? Неужели он еще не блеснет? Ведь недавно он был воистину лучшим среди старшего поколения? Может, это только секундная слабость, и завтра снова загорится звезда «поэта странствий».

Мы верим в это, но разумом мы знаем, что этого не будет.

Н. Гумилев не взлетал, а всходил. Крылья прозрения у него были заменены твердой поступью вкуса и зоркости. Больше у него нет ничего. И уже если вкус и зрение ему изменили, конец всему.

Поэты разума не переносят падений. Это не кошка, которую как ни кинь, все упадет на ноги. Гумилев упал грузно и неуклюже. Ему не встать.

Нам очень не хочется оказаться дурными пророками, но, увы! — Кассандра всегда права⁴.

